

● АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ
АЛЕКСЕЙ РАТМАНСКИЙ:

В России молодые хореографы есть

Новый руководитель балета Большого театра – танцовщик и хореограф Алексей РАТМАНСКИЙ – художник известный, несмотря на свою молодость. Уроженец Ленинграда, выпускник Московского хореографического училища, исполнитель ведущих партий в балетах Балanchina, Эка, Лифаря, Ноймайера, Макмиллана, Дуато. С 1997 года – солист Датского королевского балета, в прошлом году возведенный в сан рыцаря ордена Датского флага. Как хореограф на Родине ставил балеты в Большом театре (“Сны о Японии”, “Каприччио”, “Светлый ручей”) и в Мариинском (“Поцелуй феи”, “Средний дуэт”, “Поэма экстаза”, “Золушка”). Его балеты идут в Копенгагене, Сан-Франциско и Стокгольме.

Вступив в должность 1 января, Ратманский в течение двух месяцев совмещал работу в Большом с постановкой нового балета в Дании. Премьера “Анны Карениной” в Копенгагене прошла с большим успехом, и теперь Алексей в Большом с утра до позднего вечера.

– О вашем назначении было известно еще в конце прошлого сезона. Не вспомните ли, чем вы руководствовались, соглашаясь на непростую и ответственную должность руководителя балета Большого?

– Я понимал, что назначение резко поменяет мою жизнь, что это важный шаг и большой риск, конечно. Честно говоря, не думаю, что мог бы отказаться – от таких предложений не отказываются. Взвесил все

А. Ратманский

плюсы и минусы. Плюсы перевесили.

– А что показалось наиболее заманчивым?

– Возможность работать в Большом театре, в одной из самых сильных трупп мира. Уже более десяти лет я постоянно жил за границей, но в Москве никогда не ощущал себя чужим. Здесь я учился балету, здесь сформировалось особое отношение к Большому театру, которое оста-

лось для меня неизменным.

– На сколько лет подписан контракт с вами?

– На три с половиной года.

– Довольны ли вы состоянием балетной труппы? Есть ли проблемы и какие из них кажутся вам наиболее острыми?

– В целом труппа в хорошем состоянии, много по-настоящему талантливых танцовщиков. Одна из проблем заключается в том, что спектакли идут неровно: одни – хорошо, другие слишком заиграны, вплоть до того, что из многих сцен уходит смысл. Для поддержания достойного уровня всех спектаклей, идущих на двух сценах, нужно много и серьезно репетировать. Но спектакли идут практически каждый день и на репетиции просто не хватает времени.

– Означает ли это, что какие-то спектакли будут сниматься с репертуара?

– Нет, это скорее вопрос более целесообразного планирования и репертуара, и репетиционного процесса. Боюсь, правда, что эту проблему решить полностью невозможно. Ее можно только сбалансировать.

– Вы – востребованный хореограф, но руководящего опыта не имеете...

– Отсутствие личного опыта в какой-то степени меня огорчает от штампов: я могу искать самостоятельные решения. Как танцовщик, я работал под началом многих руководителей и понял, что есть разные модели управления театром. Одна из них – строгий начальник и деспот,

для которого главное – железная дисциплина. Другая крайность – популист, старающийся быть на равных с артистами. У меня есть собственное представление о том, что надо делать, а чего делать не стоит.

– Каким руководителем будете вы? Говорят, вы отличаетесь мягким нравом.

– Не думаю, что мой характер слишком мягок. Однако я постараюсь быть самим собой и не надуться от сознания собственной значимости. В дисциплине только ради дисциплины нет никакого смысла, она должна служить делу и быть направлена на то, чтобы качественно шли все спектакли и артисты танцевали хорошо.

– Говорят, что артисты Большого строптивы и капризны... Во всяком случае, ваши предшественники с этой проблемой сталкивались неоднократно.

– Не думаю, что все так уж сложно. Руководитель должен заботиться о том, чтобы солист расширял свой репертуар, а не стоял на месте. Тогда все хотят работать в полную силу. Мне хочется, чтобы артисты понимали, что многое зависит от них самих.

Вместе с тем важно уважение к артисту балета, к его каторжному труду. В западных труппах это есть, а у нас, знаете ли, почет распространяется только на солистов. Это неправильно. В театре каждый, и звезда, и танцовщик кордебалета, выполняет свою работу.

(Окончание на 4-й стр.)

АЛЕКСЕЙ РАТМАНСКИЙ:

В России молодые хореографы есть

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

– Ваш балетмейстерский стаж, в отличие от руководящего, довольно значителен. Есть ли у вас какие-то творческие амбиции хореографа?

– Не только есть, но и всегда были. Я и начал ставить потому, что хотел их реализовать.

– Вы приходите на репетицию с готовой хореографией или, как Якобсон, сочиняете в зале, вместе с артистами? Открыты ли вы импровизации или то, что придумали, – истина в последней инстанции?

– Я как исполнитель хорошо помню, что хореограф неподготовленный вызывает чувство протеста. Одно дело, если это гений, как Якобсон, а другое – если человек тратит свое время, когда мог бы потратить свое. Мне кажется, что чем больше я ставлю, тем легче мне что-то симпатизировать на репетициях. А когда артисты что-то предлагают – это бывает интересно, иногда движения рождаются в совместной работе.

– Возник ли у вас контакт с заведующим балетной труппой, работниками балетной канцелярии?

– С Геннадием Яниным мы однокурсники и знаем друг друга с десяти лет. С работниками канцелярии балета я только что познакомился, и знакомство мне показалось приятным.

– Довольны ли вы тем, как идет ваш балет “Светлый ручей”? На премьере он был более легким и искрометным, чем на последнем представлении, в дни “Золотой Маски”, когда он показался слегка усталым.

– В данном случае это естествен-

но. “Светлый ручей” – это мозаика соединенных между собой партий, и как только меняется один из исполнителей, то меняется вся структура спектакля. А в принципе я доволен, как идет этот балет.

– На ваш взгляд – Большой театр должен быть прежде всего хранителем классики или лабораторией современной хореографии?

– Все классические спектакли должны идти в Большом театре – если не в Большом, то где же идти классике? С другой стороны, артисты без работы с хореографом не двигаются вперед, а потому без новой хореографии обойтись нельзя, тем более что Новая сцена Большого изначально задумывалась для экспериментальных постановок.

– Как вы думаете строить репертуарную политику? Будет ли в репертуаре классика первой половины прошлого века – спектакли Василия Вайнонена, Ростислава Захарова, Леонида Лавровского?

– Я очень люблю эти спектакли и считаю, что их необходимо восстанавливать. С какого спектакля начнем мы – пока не определились. Возможно, это будет “Лауренсия” или “Пламя Парижа”. “Красный мак” восстановить труднее.

– А балеты Юрия Григоровича?

– Спектакли Юрия Николаевича представлены в репертуаре достаточно полно.

– Планируете ли вы сотрудничество с современными западными хореографами?

– Будущий сезон откроется балетом Джона Ноймайера “Сон в летнюю ночь”. Хореограф специально приезжал на гастроли Большого в

Париж, чтобы познакомиться с труппой, и выбрал именно этот спектакль. Думаю, что для артистов работа с этим хореографом над сюжетным драматическим спектаклем – хорошая школа.

– А какие еще спектакли запланированы?

– Я взял на себя смелость поставить балет Шостаковича “Болт”. Третья работа будущего сезона – вечер одноактных балетов Леонида Мясина: “Треуголка”, “Предназначение” и “Парижское веселье”. Я давно мечтал о постановках этого знаменитого русского хореографа, долгое время работавшего в Русских сезонах у Дягилева. Стиль его хореографии близок стилю Большого театра, но его спектакли никогда прежде не ставились в России.

Кроме того, планируем продолжить сотрудничество с западными педагогами, тем более что опыт уроков Виолетты Верди оказался весьма полезным. нас интересуют датская, французская, кубинская, американская школы танца.

– Вашу танцевальную карьеру можно считать завершенной?

– Скорее всего – да.

– Вы переживаете это болезненно?

– Нет. Последние годы я много ставил, и мне уже трудно было совмещать...

– Расскажите о новом проекте сотрудничества Большого театра с молодыми российскими хореографами.

– Меня задевает, когда говорят, что не существует русской современной хореографии. На Западе эта точка зрения широко распространена. Но в России есть достаточ-

ное число молодых хореографов, которые работают активно.

Мы хотим предоставить им возможность поработать с артистами Большого. Поощрением лучших работ станут постановки в театре.

– На май намечена премьера вечера балетов российских хореографов. Помимо “Магриттомании” Юрия Посохова и вашей “Леа” – спектаклей, поставленных ранее на других исполнителей, Радуга Поклитару готовит новый балет “Палата № 6”. Чеховский сюжет представляется не самым удачным для балета...

– Для меня важно, что Радуга Поклитару, один из лучших наших хореографов, ставит на артистов Большого театра сюжетный балет на прекрасную музыку. Самое главное – быть открытым, а не предвзятым в восприятии. Тогда снимается много вопросов.

– Изменится ли облик спектакля “Леа” и будет ли в нем танцевать первая исполнительница Нина Ананишвили?

– Спектакль, конечно, станет другим: новые декорации и костюмы, новые исполнители. Возможно, я что-то изменю в хореографии. Нина войдет в спектакль позже, поскольку в мае она занята работой в Америке.

– Кто станцует премьеру?

– Главные партии репетируют Надежда Грачева, Мария Аллаш, Мария Александрова, Сергей Филин, Дмитрий Гуданов, Александр Волчков – кто из них выйдет в премьерном спектакле, пока не могу сказать.

Беседу вела
Елена ФЕДОРЕНКО